

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in a forest. The woman, on the left, has long, dark, wavy hair and is wearing a vibrant red dress with intricate white and gold embroidery on the neckline and sleeves. She is smiling and looking towards the man. The man, on the right, has long, dark hair styled in a thick braid and is wearing a black, high-collared tunic with red embroidery and a wide black belt. He is looking off to the side with a serious expression. They are standing in a sun-dappled forest with large trees and a stream in the background.

Татьяна Абалова

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ
ГОРЫНЧУХА

Татьяна Абалова

Головная боль Горыныча

<https://litres.ru/74390752>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Если хочешь замуж, а не за кого, иди к Змею Горынычу. У него всяких мужиков в темнице полно», – так наперебой советовали соседки. Только я не хочу завялящего, за кем даже родственники с выкупом не пришли. Все же я не последняя знахарка в Тридесятом Царстве. И королевич–неудачник, что со Змеем не справился, тоже не нужен. Ну какая из меня королева? Мне бы такого, чтобы по душе. Пусть даже жизнью побитого. Справлюсь, выхожу. Но отчего в пещере Змея так тихо? Ау! Есть тут кто?

Новости Тридесятого царства:

- Пышка–знахарка желает познакомиться;
- Женихов больше нет, очередь не занимать;
- Бери бракованного, в хозяйстве все сгодится;
- Загадки бытия: кто ужаснее – люди или чудовища?

Содержание

Глава 1. Странный совет	4
Глава 2. Идти к Горынычу или нет?	15
Глава 3. Невостребованный	23
Глава 4. Прощай, Горыныч!	33
Глава 5. Дела мирские	43
Глава 6. Великая несправедливость	52
Глава 7. Правда	61
Глава 8. Все о Змее Горыныче	70
Глава 9. О любви	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Татьяна Абалова

Головная боль Горыныча

Глава 1. Странный совет

– Вот скажи мне, Веселина, почему ты одна? Вроде и собой недурна, и нрава доброго, а до сих пор не замужем?

Я на мгновение замерла. Пальцы крепко сжали трубку, которой я только что прослушивала сердцебиение ребеночка.

– Тебе сколько уже годков? Двадцать пять? Я в твоём возрасте уже троих имела, – не унималась Агафья, тяжело поднимаясь с кровати.

Она оправила нижнюю рубаху, накинула на плечи цветастую шаль и запахнула ее на большом животе. Недельки через две придется держать знахарскую сумку наготове, чтобы примчаться в Мыски и принять на свет ее пятое дитя. Четвертое тоже появилось благодаря мне. С тех пор, как моя бабушка отправилась на погост, благими делами во всех соседних деревнях занимаюсь я одна.

– Двадцать шесть, – сухо ответила я, положив слуховую трубку в отведенный ей кармашек в сумке.

Меня бабушка приучила, что в сумке знахарки каждая вещь должна иметь свое место. В нашем деле всякое случается. Когда голова занята спасением жизни, руки должны

безошибочно найти нужное.

– Неужто двадцать шесть? – ахнула ее старшая сестра Матрена. – Время–то как летит! Я же тебя девчонкой помню!

– И уже тогда была пухлощекой, – добавила Агафья, скользя взглядом по моей фигуре.

Нет, чтобы отметить, какие у меня густые волосы, ровные белые зубы, румяное лицо, Агафья обязательно ткнет в излишне крупную грудь или пышные бедра. Сегодня очередь дошла до моих щек. Как будто сама была первой красавицей на селе. Да, я отличалась формами и прочими выдающимися способностями, но это не делало меня некрасивой. Просто я была другая.

Местные жители – сплошь голубоглазые, белобрысые и конопатые, всегда удивлялись моим темным вьющимся волосам с чудным для здешних мест красным отливом, карим глазам и гладкой белой коже без единого пятнышка, про которую бабка говорила «кровь с молоком».

Я и сама не знаю, в кого такая удалась. Я помню себя с момента, когда стояла перед лесным домиком с узелком в руках, и ее, бабушку. Она смотрела на меня с высоты крыльца и разговаривала со мной на языке, который я не понимала. Это потом она рассказала, о чем тогда сокрушалась. «Успею ли я тебя, дитятко, выучить всему, что умею?»

Успела. И талант свой передала. Правда, прошлое мое так и не вернула, да и не особо старалась. Будто ее устраивало, что я не помню себя. Тогда все для меня было внове, будто с

чистого листа. И все казалось странным. Словно я попала в чужое тело и в чужой, чуждый для меня мир. Я даже в зеркале себя не узнавала.

Бабушка не сразу меня вывела к людям. Пока не убедилась, что мои странности исчезли, говорю чисто и не веду себя, точно дикарка. А я, чтобы заполнить пустоту, поселившуюся во мне, впитывала ее учения, как губка. До женихов ли мне было?

Вместо того, чтобы лузгать семечки на посиделках за околицей, я читала книги. А на праздники держала коня наготове, чтобы по первому зову кинуться на помощь захворавшему ребенку или мужику, покалеченному в кулачном бою.

Если бы не мое упорство и хождение за бабкой по пятам, чтобы перенять ее мастерство, сейчас всем им пришлось бы тащиться до ближайшего города. А это три часа на телеге. А если ты тяжелая и тряска опасна, то все четыре.

Да и где найти жениха, если местным бабам самим не хватает? Последняя война – особо кровавая, каждый второй дом разорила. Куда ни придешь, или вдова с кучей детей, или при муже, но держится за него, будто клещ, хотя мужик из себя никудышный.

На малолеток заглядывать мне совесть не велела, хотя бывали случаи, когда жених сильно младше невесты. С тоски да безвыходности бабы сами себе мужей растили, забирая их у мамки, где он лишний рот, и терпеливо дожидались восемнадцати годочков.

Многие мои ровесницы – кто из отчаянных, в город подались. Там найти свою половинку в разы проще. А мне куда от старой бабушки бежать? И людей без знахарской помощи не оставишь.

– Давай, Матрена, твоя очередь, – сказала я, вытирая тщательно вымытые руки полотенцем, протянутым Агафьей.

Старшая сестра сорвалась с места, плюхнулась на кровать и задрала рубаху. Я попросила их заранее раздеться, чтобы не терять время. Меня еще в Выселках ждут.

– Ох, руки холодные, – взвизгнула она, когда я сомкнула на ее животе ленту с насечками.

Я посмотрела на циферки и заточенным пером, макнув его в чернильницу, внесла в тетрадь. Вдохнула, отметив небольшую разницу с прошлой записью. Нехорошо это. Причин всяких полно, но по моему разумению, или скудно околоплодных вод, или с ребеночком неладно.

Матрена смотрела на меня напряженно, словно от моего слова зависела ее жизнь. Жаль, что не всякий раз женские ожидания заканчиваются благополучно.

– Маловат живот для твоего срока, – сказала я, поискав на столе слуховую трубку. Не найдя, вспомнила, что с досады от пытливых вопросов Агафьи сунула трубку назад в кармашек.

Матрена сморщила лицо, собираясь плакать.

– погоди рыдать, дай сердце ребенка послушать, – обрвала я ее стенания. Пусть немного грубовато, но за всхлипами могу пропустить важное.

– Ну что там? – не выдержала Агафья, переживая за сестру, когда я в десятый раз переставила трубку с места на место.

– Бьется, – сказала я, с улыбкой посмотрев в глаза Матрены. – Хорошо бьется. Время есть, может, наберет еще вес. Отдыхай больше, тяжелую работу мужу оставь.

Уже собралась уходить, даже входную дверь открыла, как в сенях меня окликнула Матрена. Оглядываясь на комнату, где сестра гремела посудой, зашептала:

– Ты бы к Черной горе сходила.

– Зачем? – удивилась я.

– В секрете держим, чтобы слухи нехорошие по соседям не пошли, но мы себе новых мужей оттуда привели. Когда мой первый на войне сгинул, я волком выла. Стала черной от горя. А теперь посмотри на меня, – она нежно погладила себя по животу, и ее губы растянулись в счастливой улыбке.

Я помнила то страшное время. Бабушка травами молодых вдов отпаивала, мечась между деревнями. Как выжить без кормильца, когда за юбку детские руки тянут?

У Агафьи первый с войны вернулся живым и здоровым, радовались, а он по весне под лед провалился. Вытащили, но как ни отхаживали, ушел измученный лихоманкой.

– Так вот, – Матрена схватила меня за рукав, чтобы я дослушала, – родственница из Хором, видя, как я горе мыкаю, шепнула, чтобы я со своей бедой туда пошла. Я и пошла. Тряслась от страха, конечно, но малые дети, что дома у пу-

стого стола остались, отступить не позволили. И вот он – мой Петруша.

Матрена перевела взгляд на окно, за которым раздетый по пояс мужик рубил дрова. Я невольно отметила, как блещут любовью ее глаза. Петр всем был хорош, кроме того, что оказался туг на ухо. Сколько бабушка ни пыталась его заговорить, не сумела. Зато голосом обладал зычным. В конце улицы было слышно, если он переспрашивал жену: «Ась?!»

– Потом, когда Агафья осталась одна, я ее тоже надоумила по моим следам к Черной горе сходить. Как видишь, домой она вернулась с Андроном.

Муж Агафьи тоже славился домовитостью. Для такого не жалко было еще троих подарить, чтобы сравнять счет с детьми от первого супруга. Не одна я радовалась, видя, как повезло молодым женщинам. Их мужья не пили, детей любили, и руки откуда нужно росли.

Если сестры до того и собачились, в любом деле находя спор, поскольку на двоих делили родительский дом, то при Петре и Андроне успокоились и перестали соперничать. Так и подмывало спросить, где вы таких золотых мужиков откопали? А теперь выясняется невероятное: обе ходили к Змею Горынычу на поклон.

Меня передернуло. Я видела его несколько раз. Три головы, четыре лапы, хвост со стрелой на конце. От взмаха его крыльев лес в такое волнение приходил, что деревья ломались.

Но он мало в нашу сторону летал. Все больше через Мамонов хребет в соседние королевства наведывался. Змею у нас после войны нечем было поживиться. А там захватит рыцаря или королевича в плен и ждет, когда родственники выкуп принесут. О его крутом нраве у нас все знали, поэтому в горы не совались. От лиха подальше. Он нас не трогает, а мы его.

Пришлые богатыри, бывало, спрашивали до Черной горы дорогу, бахвалясь силой и оружием: «Где тут у вас трехголовый супостат проживает?» Только ни один из них не вернулся. То ли сгинули, то ли к вот таким же Матренам в мужья попали. Что там с ними Змей делал, чтобы они в добрых мужей превращались, непонятно, но результат был на лицо.

– Да ты не бойся. Пусть Змей видом грозен и огнем дышит, но от лишних ртов тоже рад избавиться. Особенно, если ему в обмен на пленника денежку или ценную вещь принесешь. Но запомни, чем щедрее подарок, тем пригожей мужик достанется. У меня, выслушав мою печаль, ничего не взял. А Агафья подаренные первым мужем серьги понесла. Сама видишь, Андрон и помоложе, и поздоровее будет. Но я не ропщу. Петр в постели оказался куда умелее первого мужа, – она закрыла рот ладошкой, пряча улыбку.

– А как же родственники? Вдруг они с выкупом придут, а их рыцарь уже женат?

– Ты на наших посмотри, – она показала глазами на Петрушу, который громко высморкался и вытер пальцы о шта-

ны. — Сильно они на рыцарей или королевичей похожи? Мой коров с детства пас. Когда Горыныч в шутку его стадо разогнал, со зла камнем в него швырнул. Попал в глаз одной из голов, за что в наказание был пленен. А Андрон в торговом обозе до города добирался. Искал лучшей доли. Змей обоз разорил и мужиков, что были помоложе и посильнее, с собой взял для обмена, а остальных...

— Убил?! — я так громко вскрикнула, что с крыши в небо взметнулись голуби.

Петру нравилось их разводить. Улыбаясь, он поднял глаза и громко свистнул. Был в Мысках еще один любитель погонять птиц — пасечник. Они вечно между собой собачились, переманивая друг у друга голубей.

— Отпустил. Змей стариков, детей и женщин в плен не берет. Говорит, мороки с ними много.

— Прям так и говорит? А какой из голов? Или все три хором?

Мои вопросы ввели Матрену в оцепенение. Она, вспоминая, уставилась в одну точку.

— Я так трусила, что сейчас не скажу, какая из голов говорила. А про нежелание связываться с женщинами я от свояченицы слышала, а та от односельчанина. Он тоже о семье мечтал, но кто за хромого да кривого пойдет? Вот и попытал счастья у Змея. А что? Если для баб мужики имеются, то почему бы не наоборот? Тогда и узнал о прынцыпах Горыныча.

— Прынцыпах? — я эхом повторила за ней незнакомое сло-

во.

– Видать, Змею только прынцы выгодны, – нашла объяснение Матрена.

Заметив, что я одетая стою на пороге, Петр отвязал моего коня и подвел ближе к крыльцу, чтобы я на него взгромоздилась.

– Ты не смотри, что я телом богата, – смеясь, сказала я ему. – Меня сызмальства бабка верхом по делам посылала.

– Ась? – спросил Петр, прикладывая ладонь к уху.

Глава 2. Идти к Горынычу или нет?

Перекинув сумку через плечо, я легко забралась в седло. Сил и здоровья во мне было столько, что любой мужик позавидовал бы. Отродясь не помню, чтобы болела.

Я махнула Петру, чтобы отошел. Ударив Сивку по бокам пятками, направила его к воротам. Куры кинулись врассыпную. За околицей дала коню волю: солнце клонилось к земле, а мне еще в Выселки.

Домой возвращалась затемно. Уставшая, я сидела в седле мешком. Сонно перебирала мысли и воспоминания, чередуя их, словно цветные бусины на нитке. Хорошо, что Сивка знал дорогу и леса не боялся.

Сегодняшний разговор с Матреной всколыхнул во мне обиду. Ведь всем я хороша: лицом приятна, голос звонкий, смех заразный, талантами не обделена, а поди ж ты, никому не приглянулась.

В Выселках не выдержала, спросила у деда Хомы, которому привезла настойку от кашля, почему меня стороной обходят? Нет–нет вызывают же меня к занедужившим путникам, и не всякий из них женат. Но ни один, выздоровев, ко мне в гости не наведася.

Я была удручена ответом старика.

– Что бабка твоя, что ты – ведьмы. Дар обыкновенному человеку не дается.

Я на слова старика аж задохнулась от негодования.

– Совсем стыд потерял! Какая я тебе ведьма? Кто видел от меня зло? Я же только пользу приношу! – я потрясла бутылочкой перед его носом, но дед ловко ее выхватил.

– Просто не испортил никто, – он хлебнул моей настойки прямо из горлышка. – А как встретится тебе лихой человек, измучает всю, тут ведьмино естество и откроется.

– Дурак ты, дед Хома, – не сдержалась я. – Просто я одна на пять деревень грамотная, поэтому вы, мужики, боитесь рядом со мной глупыми показаться. Вот сколько ты за всю жизнь книг прочел? Ладно, не прочел, в руках держал. Хоть к одной интерес проявил, чтобы картинки посмотреть? Только и знал, что на пригорке лежать, соломинку жевать да одним глазом за стадом посматривать. Знал же, что волки не нападут. Бабушка моя постаралась обереги на каждую вашу овцу навесить. До сих пор те обереги работают. А теперь такая благодарность?

Дед сделал вид, что закашлялся, но подавился собственной слюной и зашелся на самом деле. Я щелкнула пальцами, чтобы приступ снять. Да, колдовать умею. Но не буду же я рядом с Хомой постоянно пальцами щелкать, чтобы он дышал без сипения? У меня других забот полно.

– Я же сказал, ведьма, – кинул мне в спину старик и смачно сплюнул.

Целую неделю я размышляла над словами Матрены и деда Хомы. Идти или не идти к Черной горе? Что нести Змею,

чтобы подобрал жениха получше? Сразу обозначить, что меня считают ведьмой или скрывать?

Я сама никогда не задумывалась, почему кому-то колдовской дар даден, а кому-то нет. Бабушка ни разу не упомянула, что мы ведьмы, а ей обидных слов никто в лицо не бросал.

– Ей бросишь, – произнесла я вслух, помешивая в кипящем котле бинты. – Так холодно посмотрит, что потом долго будешь деревянному идолу поклоны бить, чтобы лихо отвел.

Вздохнув, я понесла во двор ушат, чтобы выполоскать в заводи первую партию порванной на длинные лоскуты ткани. Мой домик стоял у небольшой речки, что спускалась с гор, высящихся за лесом. Вода все еще была ледяной, хотя весеннее солнце всюю припекало. Отжав бинты, понесла ушат к веревке. Делала привычную работу, не задумываясь, поэтому голова была свободна для размышлений.

Если Горыныч так ловко устроил судьбу сестер, значит, имеет опыт и в людях хорошо разбирается. Нет, не стоит от него свою силу скрывать. У Змея тоже есть колдовской дар, должен понять, кто мне нужен.

Уже к ночи, подоив корову и вскипятив молоко, я посмотрела свои записи. Выбрав свободный день, назначила на него поход в Черные горы. Осталось только найти, чем подкупить Змея.

Местные жители рассчитывались со мной в основном тем, что вырастили в поле или сделали собственными руками. То домотканым отрезом одарят, то мешок картошки на коня

взгромоздят, то горшочек с медом в седельную сумку сунут. Я в лесу жила, здесь особо огород не разобьешь, поэтому всякому полезному добру была рада.

Деньги у меня водились, но было их немного. Несolidно с полупустым кошельком за мужем идти. Оставалась надежда на сундук, в котором бабушка хранила свои сокровища. Я покосилась на него, но решила в темноте не распахивать. Встанет солнышко, тогда и определюсь.

Утром, закончив дела по хозяйству, которое у меня было немалым – одних несущек дюжина, я нашла время заглянуть в сундук. Здесь хранились вещи, непригодные для быта, и я принялась перебирать их. Хоть знала каждую наизусть, все равно надеялась найти подходящее для подношения Горынычу.

Треснутое зеркало в красивой оправе я отложила в сторону. Бабуля так и не собралась в город, чтобы заменить посеребренное стекло. А выбросить дорогую вещь было жалко. Клубочки шерстяных ниток, недовязанный платок, спицы и крючки – все это тоже рука не поднималась раздать. Может, игодились бы мастерицам, но все нитки оказались разного цвета и толщины. Разве что на носки пустить. Сама я способностями к вязанию не отличалась, хотя бабушка пыталась обучить.

«Ой, девка, упустишь ты свое счастье, если все мои клубочки не распутаешь!» – говаривала она, суя мне в руки спицы. А ведь бабка в последний раз незадолго до смерти пыта-

лась меня вразумить. А я, глупая, твердила, что меня и без умения вязать замуж возьмут.

Однако, не взяли. М—да.

Вышивку кое—как осилила и то только потому, что училась вплетать в нее заговор. На здоровье, на счастливую жизнь. Стежки у меня получились неровными, узелки большими, и бабушка опасалась, что у носящего рубашку с моей вышивкой все пойдет сикось—накось. Рубах, в основном мужских, целая стопка в сундуке обнаружилась, хотя я была уверена, что бабушка порвала их на бинты.

Вздохнув, я вытащила шкатулку с нехитрыми «сокровищами». За ними—то я и полезла. Бусы из жемчуга, потускневшие от времени, малахитовые серьги со сломанной дужкой, колечки разные, что на мои пухлые пальцы не лезли. С кольцами в город бы смотаться, да на деньги поменять (стыдно такие потертые Горынычу предлагать), но не с моей удачей. Я и до коня дойти не успею, как кошель срежут. Кричи потом с выпученными глазами: «Держи вора!»

Поняв, что платить Змею нечем, а захудалого мужика в мужья не хочется, я с печалью принялась складывать «богатство» назад. Один из клубочков из рук вывалился и покатился к двери. Я с досады плюнула. Теперь придется сматывать. Еще больше расстроилась, когда увидела, что он доскакал до реки. Пока дошла, клубок с горочки в воду плюхнулся. Еще и сушить придется.

— Да чтоб тебя! — в сердцах воскликнула я, когда его по-

несло течением. Дернула за нитку, но только еще больше выпустила.

В итоге клубок все равно поймала: застрял в ветвях склонившегося над водой дерева.

Возвращалась домой мокрая и злая. Чуни потеряла в реке. И чего прыгнула в стремнину? Пусть бы унесло этот клубок куда подальше, раз в сундуке не лежалось. Теперь сушить придется. Я сжала его, чтобы избавиться от воды, но почувствовала под пальцами что-то жесткое.

Удивившись, принялась разматывать. Когда в руку вывалилась золотая монета, я посмотрела на нее оторопело. Не с наших она была земель. Наши поменьше и потоньше, и изображен на них государь-батюшка, а тут три скрещенных меча. Попробовала на зуб и убедилась, что не гнется. Значит, настоящая.

– Спасибо, бабушка, – прошептала я и поспешила в дом переодеться. Ветер холодил прилипшую к телу одежду, но я улыбалась. Теперь мне был с чем идти к Горынычу.

С нетерпением дождавшись назначенного дня, я вышла из дома затемно. Взяла с собой бабушкин посох, волосы собрала в дулю, сверху повязала платок. Хотя и весна, а в горах еще холодно. На вершинах лежал снег.

По лесу идти было легко. Все здесь родное и знакомое. Птицы щебетали над головой, в кустах прыгали зайцы, на подступах к горам мелькнула пара волков. Самка была на сносях. Брачные игры у серых хищников месяц как мино-

вали, но приятно было посмотреть, как самец бережет свою подругу.

Пробуждение жизни после долгой зимы и во мне разогнало кровь. Хотелось душевного тепла. И чего уж скрывать, мужского внимания. Чтобы сильная рука прошлась по гладкому телу, а поцелуй случился не только в уста. Заныла от желания грудь и сделалось жарко. То ли от сладких мыслей, то ли от быстрой ходьбы.

Чуть ли не к полудню я добралась до Черной горы. И куда дальше идти? Подняв голову вверх, любовалось, как черный гранит блестит под лучами солнца. Словно и не скалы вовсе, а горсть драгоценных камней.

Но глаз уловил, что одно место в этом нагромождении камней выглядело тусклым. Словно обожженным, а потому не могущим сверкать. До меня дошло, что мне следует лезть туда. Горыныч пламенем горазд опалить, а потому место его обитания похоже на печной свод.

Оценив, где склон более пологий, направилась к нему. Взиралась долго, не раз рискуя сорваться. Однажды даже с жизнью попрощалась, но помог бабушкин посох, чей согнутый конец уцепился за деревце. Страшно было подумать, как я буду спускаться с этой кручи и тащить за собой обмененного на золотую монету жениха.

Мучил еще один вопрос, а не сбежит ли мужик, почуяв волю. Эх, надо было поговорить с Петром и Андроном и у них поинтересоваться, что их держит рядом с сестрами. Мо-

жет, так намыкались, что нет в мыслях возвращения на родину? А что? Бабы при большом доме, хозяйство имеется, кровать мягкая и теплая. Зачем иную долю искать?

Или их держит колдовство Горыныча? Он же должен дать гарантии, что деньги не напрасно уплачены?

Ой, а вдруг мужик и статен и красив, а в хозяйстве непригодный? Как тогда быть? Возврат или обмен возможен? Надо бы все эти вопросы задать до того, как мы со Горынычем по рукам ударим.

Меня передернуло, когда я представила, как трехглавый змей меня по руке бьет. Вот тогда в очередной раз чуть не сорвалась.

Пока добралась, с меня семь потов сошло. Выдохнула, когда ступила на ровную площадку, где моему взору открылся пещерный зев. Думала, здесь дурно пахнет и всюду валяются обглоданные гости, все же к Змею пришла, но нет. Чисто, пустынно и ветрено. Я подставила ветру лицо и раскинула руки, чтобы остудил разгоряченное тело.

Так и не дождавшись появления хозяина из пещеры (а учуять мой дух уже должен был), я догадалась, что Змея нет дома. Небось, опять за добычей полетел. Нехорошо заходить в гости без разрешения, поэтому я решила для начала освоиться на месте. Подошла к краю утеса, посмотрела вдаль и... перестала дышать от открывшейся красоты.

Глава 3. Невостребованный

Под ногами волновалось зеленое море. Оно дышало, словно огромный зверь, улегшийся отдохнуть. Серебряной лентой вилась река Быстрица. Куда ни глянь – всюду цветными заплатками поля, а среди них деревни. Такие маленькие, будто их построил из деревянных кубиков ребенок.

Я легко узнавала селения: Выселки – по лежащему рядом болоту, Горбарь – по храму с колокольней, Мыски – по озеру, что смотрится отсюда брошенным в траву зеркальцем. Желтой нитью кажется дорога, тянущаяся аж до самой столицы.

У подножия Мамонова кряжа еще две «игрушечные» деревни. Хоромы – с торговой площадью и княжеским теремом. Местный правитель большую часть года пропадал в столице, где у него имелся каменный дом. К нам наезжал с семьей лишь на лето, когда в городе становилось душно. Повыше Хором вторая деревня – Малые Волчки. Всего на шесть дворов, но и там моя помощь частенько требовалась.

Свой домик в лесу я нашла по кованому петушку, ярко горящему в лучах солнца. Никто в округе не догадывался, что петушок заговоренный. Благодаря ему и бабушке, сотворившей охранное колдовство, я спала по ночам спокойно. Ну как спокойно... Просыпалась в томлении, когда снились ласковые руки и горячие поцелуи. Всем живым хочется любви.

Последняя мысль вернула меня к делу, ради которого я

забралась на такую верхотуру.

«Сколько можно ждать? А вдруг Горыныч не появится до исхода дня? Что же мне здесь ночевать, что ли? Наверное, не спалит огнем, если я хотя бы одним глазком посмотрю на женихов. Может, и выбрать не из чего? Тогда я со спокойной душой потопаю до дома. Вернусь позже, когда Змей новых рыцарей в пещеру натаскает».

Подойдя ближе к логову Горыныча, я прислушалась. Из глубин доносился шум падающей воды. Кроме ее плеска, нет-нет подавал голос ветер. Его вой был похож на тот, что пугает в печной трубе, если за окном непогода.

– Ау! Есть кто живой?

Крикнула и тут же захлопнула рот рукой, чтобы еще какая-нибудь глупость не вырвалась. И без того было жутко.

– Вой-вой-вой... – подхватило эхо.

Подождав немного и поняв, что, кроме эха, со мной никто говорить не хочет, маленькими шажками двинулась вглубь. Посох держала наготове. Убить не убью, но покалечить смогу. Под ногами хрустел песок. Он был здесь повсюду.

Пещера тянулась и тянулась, пока не привела в круглое, словно перевернутая чаша, помещение. Через отверстие в потолке лился дневной свет. Он позволил рассмотреть водопад, струящийся по задней стенке грота, и железные клетки по обе стороны от него.

– Ау! Люди! – позвала я.

– Иди-иди-иди... – повторило эхо.

Так странно все! Подойдя ближе, я обнаружила, что клетки не заперты, а в замках торчат ключи. Оглядевшись, я с горечью осознала, что пещера давно заброшена. Пустые лежанки, грязные миски с остатками засохшей еды.

Выходит, хозяина ждать бесполезно. Кто по доброй воле бросит прибыльное дело? Тут одно из двух: либо Змей нашел себе горы покруче, либо был побежден богатырем. Правда, никакого неприятного запаха тлена я не почувствовала, а значит, наш Горыныч улетел в более хлебные края. Жаль. Я так на него рассчитывала.

Уже собиралась уйти, как ухом уловила странное: шум водопада изменился. Будто кто-то воду слегка прикрыл. Сотворив светляка и подойдя ближе, я вгляделась в темный поток и... закричала. Из толщи воды на меня смотрел человек. Струи хлестали его по голове, а он с места не двигался. Лишь глаза, пристально следящие за мной, указывали, что незнакомец живой.

Ну вот, Веселина, хотела мужика – получай! Не за тем ли ты сюда пришла?

– Ох, напугал! – я приложила руку к сердцу.

Чтобы показать свое дружелюбие, широко улыбнулась. Незнакомец перевел взгляд на мой посох. Я тут же отбросила его в сторону. Не мудрено, что люди от меня прячутся: посох бабки не только выглядел, но и не раз использовался, как оружие. Разведя пустые руки, чтобы убедиться, что дурных намерений не имею, я позвала:

– Выходи, не трону!

Незнакомец повиновался. Шагнул и опять замер. Смотрел на меня из-под упавших на лицо прядей. С одежды под ноги стекала вода.

– Ты здесь один?

– Один.

А голос глухой, будто горло больное. Немудрено, если он от незваных гостей под водой прячется. Интересно, почему все ушли, а его оставили? Или он из тех, за кого выкуп не принесли? Невостребованный?

Но, судя по золотому шитью на отворотах кафтана и высоким сапогам, заложник не из бедных. Деньги у родни водятся. Неужели человек поганый? Помнится, когда городской судья просил поручиться за Митроху-пьяницу, вся деревня промолчала. Пусть в город такое сокровище забирают. Нам не надо. Может, и этот никому не нужен?

– А где Горыныч?

Я оглянулась. Вдруг Змей уже здесь и слушает, о чем мы судачим? Хотя односложный ответ трудно назвать болтовней. Чтобы разрушить неловкую тишину, я с воодушевлением спросила:

– Змей за новой партией рыцарей полетел, да? Тогда я здесь посижу. Подожду. Пусть весь товар лицом покажет.

Вслух не стала говорить, что не хочу первого попавшегося брать. Невостребованный – это как кот в мешке. Непонятно, почему родня отказалась.

Незнакомец хмыкнул.

– Не жди. Не прилетит больше Горыныч. Отлетал свое.

– Как?!

Невостребованный кивнул себе за спину. Я сделала шаг в сторону и увидела у стены нагромождение камней.

– Змей там? – спросила я шепотом, поняв, что передо мной могила. – Кто же его порешил?

– Последний богатырь.

– Почему последний? – не поняла я.

– Для Змея последний.

– А ты тогда почему не уходишь?

– Некуда.

– Что с тобой не так? – я обошла невостребованного по кругу. – Выкуп за тебя не дали, идти некуда...

Вид у него, конечно, неприглядный. На лице щетина, кожа серая, ногти черные. Но рост хороший, я по плечо буду. И сила чувствуется. Если отмыть и подкормить, то в хозяйстве сгодится.

– Пойдешь со мной?

– Нет.

Я видела, как его глаза сузились в щелки. Не доверяет. Видать, многое пришлось пережить.

– Я не уйду без тебя, – я прямо посмотрела ему в лицо. Пусть видит мою решимость. Без меня пропадет.

– Как скажешь, – он равнодушно пожал плечами.

Как-то не клеился у нас разговор. Но я для себя уже все

решила. Пусть не думает, что он никому не нужен. Я тот человек, который готов за него дать выкуп.

Я полезла в карман, где лежала золотая монета. Пусть хозяина больше нет, но я не люблю оставаться в долгу. Горыныч старался, завоевывал, тащил заложника в пещеру. Кормил. Вон, какой здоровый детина. А за всякий труд надо платить. Так меня бабушка учила. Бесплатное морокой может обернуться.

Подойдя к могиле Горыныча, я положила золотую монету на камень. Распрямляясь, вскрикнула от неожиданности: невостребованный стоял рядом и с любопытством смотрел, что я делаю. Будто развлекался, наблюдая за незваной гостьей, хозяйничающей в его владениях.

– Что это? – он взял монету, но я ударила его по руке, чтобы положил на место.

– Оставь. Это выкуп. Цена уплачена.

– Вот черт, – прошептал он. Наверное, не мог поверить своему счастью.

– Кстати, как тебя зовут? – спросила я, цепляя его за рукав и ведя к выходу. Удивилась, конечно, что он пошел, хотя с самого начала сопротивлялся. По пути подхватила бабкин посох.

Невостребованный медлил с ответом. Забыл имя? Сколько же он просидел в одиночестве, раз так одичал?

– Егор.

– Вот и славно, Егор. Я – Веселина. Сейчас мы с горы спу-

стимся, по лесочку пройдемся и к ночи уже будем дома. Заживем! Вдвоем всегда легче, чем одному. По себе знаю.

Мы вышли на скалу, с которой я любовалась видами. И вот тут до меня дошло, что я понятия не имею, как спускаться. Холодный ветер шевелил подол юбки. Я посмотрела на Егора. Его кожа из серой сделалась синей. Если не будет двигаться, в мокрой одежде околеет.

– Ты, случайно, не знаешь, как отсюда заложники выби-
рались? – я смотрела на него, приложив к глазам ладошку
козырьком. Заходящее солнце слепило.

Если Агафья и Матрена вернулись домой без увечий, зна-
чит, безопасный путь вниз имеется. Нужно его только найти.

– Горыныч их в корзине спускал, – Егор помахал руками,
изображая крылья.

– А как ушел богатырь, убивший Змея? Или ты был
тем самым богатырем? – страшное предположение застави-
ло сглотнуть вязкий ком. Погубитель Горыныча не ушел. Вот
он, передо мной.

Егор помотал головой и, взяв меня за руку, подвел к краю
утеса.

– Ни один богатырь не ушел. Все там. Отсюда дороги нет.

Я, боясь оступиться, глянула с кручи вниз. Мне открылся
овраг, на дне которого сияли в лучах солнца доспехи и ору-
жие. С той стороны скалы, где я карабкалась, его видно не
было, иначе бы я не решилась лезть.

Я подняла на Егора глаза, полные ужаса.

– Ты первая из женщин, кто по скале сюда забрался. Остальные Змея снизу звали, – коротко пояснил он и, развернувшись, ушел в пещеру.

Так вот почему он так удивился, когда увидел меня? Аж застыл под водопадом. Эх, надо было подробнее сестер расспросить. Кто же знал, что не надо на скалу лезть? Сказали идти к Черной горе, я и пошла.

Я хлопнула себя по лбу, вспоминая слова Матрены. «Иди к Черной горе» совсем не то, что «лезь на Черную гору». Чем слушала? Столь велика была тяга жениха раздобыть.

Постояв на ветру и замерзнув, я поплелась следом за Егором. Мне никак нельзя здесь оставаться. Агафья на сносях, у нее в любой день может начаться. Как она без меня? А остальные?

«Думай, Веся, думай! Выход должен быть. Горыныча убили, невостребованный сам пленник, а ты можешь рассчитывать только на свои силы. Но много ли их у тебя? А что, если... Ведьма я или не ведьма?»

Еще неделю назад я злилась на деда Хому, когда он обозвал меня ведьмой. А теперь вдруг вспомнила, что ведьмовской дар считается одним из сильнейших. Тучи разогнать? Пожалуйста! Заставить мертвеца заговорить? Только скажите какого. Ступу в небо поднять? Разойдись, а то зашибу!

Ведьмы многое умеют, но был у меня вопрос, на который я хотела бы получить ответ заранее. И это не тот, как выбраться из ловушки.

Да, я могла по щелчку пальцев снять натужный кашель, шепотом успокоить младенческие колики, вплести в вышивку чары здоровья и красоты – мой знахарский талант приносил пользу. А что будет, когда я стану ведьмой? Сколько в ведьмовском даре черного? Смогу ли удержаться на кромочке между Добром и Злом? Или однажды безвозвратно утрачу любовь к людям?

Ныли от усталости ноги, и я, доплетясь до хором Змея, опустилась на лежак в одной из клеток. Посмотрела на Егора, застывшего у могилы Горыныча. Он обнял себя руками. Даже простым глазом видно, что ему плохо.

«Надо его отсюда вытаскивать. Вот еще одна причина не сомневаться».

Глава 4. Прощай, Горыныч!

А ведь дед Хома, сам того не ведая, открыл мне ритуал пробуждения ведьмы. Как он сказал? «Как встретится тебе лихой человек, измучает всю, тут ведьмино естество и откроется».

Лихой Егор человек или нет? Будем надеяться, что лихой, раз родичи с выкупом не пришли. В любом случае, придется постараться, чтобы он меня измучил всю. Иначе никак. Вспышка гнева, всплеск ненависти к Егору, и ведьмино естество откроется.

Но как бы моя жертва не стала напрасной. Вдруг открывшийся дар мало чем поможет? Крылья же не вырастут? Ступы здесь близко нет, даже если метлу найду. Да и не учил меня никто летному делу.

Размышляя, я кончиком посоха чертила круг на песке. Когда надоело, перечеркнула его линией. Потом еще раз и еще, пока не поняла, что получилась звезда. Наклонив голову, я увидела, что нарисовала самую настоящую пентаграмму. Пусть корявую, но вполне годную, чтобы вызвать демона. Мне бабушка о них рассказывала. Мол, за Мамоновым хребтом какой только нечисти не водится. Я и слова вызова запомнила, и то, что рогатым нужно заплатить.

«Демон явись, мне поклонись.

Тайну открой, дам золотой».

Так–так–так... Демоны доставят, куда укажешь, нужно лишь вдохнуть в пентаграмму силу. А лихой Егорка поможет мне той силой обзавестись.

Я подняла голову. Как же ладно я все придумала! Демон за спуск в сотню метров дорого не возьмет. Я же не прошу от него запретных знаний или бессмертия. Золотой монеты вполне хватит. Той самой, что я отдала в качестве выкупа. Змею уже все равно, а мы с Егором обречем свободу. Не погибать же нам в этой пещере?

Когда я подошла к нагромождению валунов, монету, как глазами ни шарила, не увидела.

– Да где же она? – воскликнула я, теряя терпение. В отчаянии полезла раздвигать камни. Вдруг завалилась между ними?

– Не ищи, – Егор, видя, что я продолжаю разгребать кучу, с силой дернул меня за плечо. – Ее больше нет. Змей никогда не возвращает золото, попавшее к нему в лапы.

Я почувствовала, как рушится мир. Нет золота, с демоном нечем будет рассчитаться, и мы с Егором умрем от голода. Я опустилась на могильный валун и расплакалась.

Мои слезы вызвали у Егора удивление. Он присел передо мной на корточки. Поймал слезу пальцем и посмотрел на нее так, словно никогда прежде не видел.

– Ты же сама предложила Змею выкуп. Почему плачешь, когда он его принял? – спросил он вкрадчиво, переведя взгляд на мое лицо.

– Предложила, чтобы совесть перед Горынычем была чиста. Не приучена брать чужого, – я шмыгнула носом.

– А потом передумала? Жалко денег стало?

– Нет. Для другого дела понадобились. Раз выхода нет, я решила вызвать демона. Змею уже все равно, а мы смогли бы рогатому за услугу заплатить.

– Скажи Веселина, ты – ведьма? – Егор положил ладони мне на колени. Даже через юбку я почувствовала, какой жар от них исходит. Неужели голубчик все же заболел?

– Я не знаю. Наверное, да, раз такое могу, – я подняла глаза вверх. Над нашими головами парил светляк. – Как сказал дед Хома, простым людям дар не дается. Но мое ведьмовское естество еще спит. Чтобы оно пробудилось, нужна твоя помощь.

Егор в изумлении поднял смоляную бровь. Его длинные густые волосы уже высохли, и он заплел их в косу, убрав пряди с лица. Я только сейчас заметила, хоть невестребованный и оброс щетиной, а в глазах жила печаль, был он собою хорош. Годков на десять меня старше, но без заметных морщин, лишь паучьи лапки у глаз. Видать, щурился на солнце. От него и кожа смуглая. Нос прямой с чуткими крыльями, губы неширокие, но красиво очерчены, а нижняя челюсть точно из камня вырезана. Сразу видно, из благородных кровей. Дорогие одежды лишний раз тому подтверждение.

– Чем бы я помог?

– Я бы довела тебя до белого каления, а ты мне грубое

слово в ответ, вот тогда бы я на тебя обиделась и....

– Стала бы ведьмой? Хитро.

– Как почувствовала бы в себе силу, влила бы ее в пентаграмму и вызвала демона, чтобы он нас домой отправил. Я знаю, они все могут, только заплати. А теперь все пропало!

Я не поняла, что из произнесенного мною было смешным. Но Егор неожиданно рассмеялся.

– И ты готова пожертвовать чистой душой, чтобы вызвать нас из плена? – спросил он, убирая руки с моих колен и поднимаясь.

– Конечно. Раз иных способов нет, пришлось бы учиться колдовать, – я смотрела на него снизу вверх и вытирала рукавом глаза.

Егор наклонился и помог мне подняться. Не ожидая того, я оказалась в его объятиях. Он поцеловал меня в макушку. А я еще громче всхлипнула. Ну как с таким ссориться?

– Не будь таким хорошим, иначе я никогда не стану ведьмой, – проворчала я

– Зачем тебе становиться ведьмой, если золота нет?

– Зато у меня есть лошадь, корова и двенадцать кур. Можно их продать, а на вырученные деньги рассчитаться. Правда я не знаю, работают ли демоны в долг...

– Никаких долгов. Это мой принцип.

– Прынцып? – спросила я, поднимая глаза на Егора. Знакомое словечко. – А Горыныч точно под этими камнями?

– Точно.

– А как без денег справимся? Демона обманем? – у меня загорелись глаза. – В плен возьмем? И пока не выполнит наше желание, не отпустим, да?

– Не надо никакого демона. И ведьму из тебя делать не будем. Погодим душами разбрасываться.

– А как же тогда?

– У нас есть корзина. Помнишь, я говорил, Змей с ее помощью пленников вниз спускал? Еще я знаю, где лежит крепкая веревка. Жди.

Он скрылся за водопадом, но очень быстро явился с огромным мотком веревки на плече.

– Для чего такая? – спросила я, удивившись.

– Пленников связывать. Помогай, – позвал он и, поднапрягшись, отодвинул одну из клеток. За ней стояла корзина, в которой запросто мог поместиться человек.

Вдвоем мы волоком дотащили ее до пещерного входа. Привязав веревку к ручкам, второй конец Егор перекинул через мощное кольцо у входа в пещеру и закрепил. Я засомневалась, хватит ли оставшейся длины на всю высоту скалы. Но Егор действовал так уверенно, что я побоялась отвлекать его расспросами. Подергав мудрено скрученные узлы, он повернулся ко мне.

– Залезай в корзину.

– А ты?

– Сначала тебя спустим.

Было боязно. Особенно когда он корзину к краю пододви-

нул и, приказав крепко держаться, столкнул вниз.

— Ох, мамочки!

Я схватилась за сердце, но, вспомнив, что надо держаться, мертвой хваткой вцепилась в грубое плетение ручек. Веревка, закрепленная на кольце, натянулась, и корзина принялась раскачиваться, будто маятник. Жестким краем она стучалась о скалу, выбивая из нее камешки. Я закрыла глаза. Корзина резко дернулась, что заставило меня вскрикнуть, и медленно, рывками пошла вниз.

«Это же какой силищей надо обладать, чтобы меня, совсем не маленькую, удерживать от падения?»

Понятное дело, Егор по чуть—чуть стравливал веревку через кольцо, но легче ему не становилось. Когда корзина коснулась дном земли, я поднялась. Вокруг меня лежали доспехи и шлемы. Некоторые сохранили внутри себя богатырские кости, побелевшие от времени и ветров. Я за свой недолгий век всяких смертей повидала, поэтому и здесь не стала биться в слезах. Богатыри знали зачем к Горынычу лезли. Правда, последний все же извел его, хотя сам спуститься не смог. Сорвался. В мыслях не держала, что Егор помог ему найти свою могилу. Хоть и крепок парень, сразу чувствуется, складу не такого, чтобы подлю в спину толкать.

Я подняла голову. Он помахал мне рукой и скинул вниз кафтан, оставшись в одной черной рубахе. Подхватив влажную еще вещь, я, спотыкаясь, побрела к пологому краю обрыва. Кости и прогнившие доспехи хрустели под ногами,

словно сухие ветки. Я даже упала пару раз, но все же выбралась.

Егор спускался по веревке, помогая себе ногами. Я смотрела на него и думала, почему же он сам из плена не выбрался? Зачем нужно было меня дожидаться? Знал же, что есть кольцо и веревка. Неужели сидел на верхотуре, поскольку некуда было податься?

Я немного приободрилась, поняв, что в его вызволении есть и моя заслуга. Подобрала правильные слова и убедила. Теперь заживем! Притираться в быту придется, как без этого? Я вспомнила красивые глаза и приподнятую в удивлении смоляную бровь и зарделась. Даже Змей не смог бы сделать для меня лучшего выбора. Нравился мне Егор. Ой, как нравился. Я приложила ладошки к щекам, чтобы охладить разгоревшееся лицо.

Когда Егор преодолел последние метры и спрыгнул, он не стал, как я, искать пологого края обрыва. Ловко выбрался по кратчайшему пути.

– Передохнем немного, – сказал он и сел на землю. Опустил голову. Его дыхание было тяжелым. Но не оно меня смутило. Я заметила, как рубашка прилипла к телу. И вовсе не от пота.

– Ты ранен? – я подошла и оттянула ворот, чтобы посмотреть, но Егор дернулся и так на меня взглянул, что всякое желание к нему лезть отпало.

Поморщившись, он поднялся. Взяв у меня из рук кафтан,

натянул на себя.

– Куда идти? Показывай.

Я махнула рукой в нужную сторону. Ладно, дойдем до дома, там и пытаться буду, почему у него рубаха пропиталась кровью.

Пока дошли, стемнело.

Войдя в дом, Егор огляделся. Мои «хоромы» не были большими: крыльцо, где мы вдвоем едва протолкнулись, и две комнаты. Первая, самая светлая, с огромной печью в углу, столом по центру и парой длинных скамеек, на которых можно спать, если сдвинуть. Под окнами сундуки. У глухой стены, рядом с печью, полки до потолка с посудой и поварами. В простенках сухие травы на крюках, отчего дух в доме всегда приятный. В любое время года. В дальнем углу дверь в спальню, куда еще ни одна мужская нога не ступала.

– Располагайся, – я широким жестом указала на новое место обитания гостя. – Спать будешь как больше понравится: или на печи, или на скамьях. В мою комнату ни ногой.

– Иначе в ведьму превратишься? – на лица Егора появилась улыбка.

– Тебе лучше не знать, – буркнула я, сама уже жалея, что сгоряча поставила ограничения. В моей спальне кровать большая, мягкая, на двоих вполне места хватило бы. Я ее заказала плотнику из Хором после смерти бабушки. Старые две он за работу забрал. – Раздевайся. Я пойду баньку истоплю. Потом, хоть и ночь уже, поужинаем.

Мне хотелось приободрить Егора, уж больно глаза были печальные, несмотря на улыбку. Включилось бабское чувство обогреть и накормить обездоленного.

Пока я возилась в пристройке, разжигая банную печь, слышала плеск на реке. Вышла с фонарем в одной руке и с рогатиной в другой, чтобы посмотреть, кто такой крупный ко мне пожаловал. Медведи и волки иногда забредали, но достаточно было прикрикнуть, чтобы те убирались восвояси.

Глава 5. Дела мирские

Я подошла ближе к берегу и обомлела. Егор стоял ко мне спиной по пояс в воде и, отфыркиваясь, смывал с себя застывшую кровь. Свет фонаря не скрыл, что мужчина был обнаженным.

Я знаток всяких тел, как мужских, так и женских. Забота у меня такая – лечить и штопать. Но в Егоре меня поразила природная красота: литые мышцы, плавные линии и животная грация. Правда, всю эту красоту портили нешуточные раны. Он явно побывал в бою, где его пытались убить.

Неужели битва проходила на верхотуре, в логове Змея? Больно свежими выглядели увечья. И вновь у меня появилась мысль, что никакой Егор не пленник. Он богатырь, пришедший за Горынычем и одолевший его. И сеча та была, судя по ранам, совсем недавно. Кое-где они затянулись, но самые глубокие при спуске открылись. Вот откуда столько крови.

Увидев блики света на воде, Егор обернулся. И опять осклабился в улыбке.

– Что? Нравлюсь?

– Нравился бы, если бы был цел, – я не стусевалась. – Тебя зашить надо.

– И так заживет. Не впервой, – он, не стесняясь, побрел к берегу.

Я отвела глаза, чтобы не пялиться на человеческую кра-

соту.

– Иди, в баньке пока погрейся.

Я побежала в дом, где у меня были припасены нити и кри-
вые иглы для шитья. Поставила на огонь чайник и высыпала
в кружку сбор трав, снимающих воспаление. Вытащила из
сундука горшочек с дегтярной мазью. Она пригодится, если
раны загноились.

Перед тем, как войти в баньку, я постучалась. Егор дога-
дался обмотать бедра простыней, которую я заранее приго-
товила. Я поставила лукошко со склянками на скамью и за-
жгла несколько свечей над головой.

– Так ты знахарка? – спросил он, наблюдая, как я, помыв
руки, выкладываю на тряпицу, расстеленную на скамье, гор-
шочки, бинты и иглы.

– А я разве не говорила?

Я деловито вытащила из корзинки деревянную ложку и
сунула Егору в рот. Могла бы крепкой брагой напоить, чтобы
не было так больно, но не решилась. Кто знает, как она на
него подействует? Разнесет еще весь дом в щепки.

– Жалко это? – прошепелявил Егор. С ложкой во рту
и влажной гривой черных волос, здоровяк выглядел, как
взнузданный конь.

– Будет больно. Ранам не первый день, придется очистить
от гноя, – я скрутила его волосы дулей на голове, чтобы не
мешались. – Если бы сразу после боя зашил...

– Некому было шить, – буркнул он.

Я вздохнула.

– Начнем со спины, здесь совсем плохо.

Рана от удара то ли клыком, то ли острым когтем пересекала всю спину от плеча до пояса и была самой глубокой. Пока я чистила, грязных бинтов набралось целое ведро. Егор стойко терпел. Не шелохнулся и не издал ни звука.

Я все больше верила, что Егор был тем самым богатырем, который расправился со Змеем. Он же его и похоронил. А мне показал старые кости в овраге, лишь бы не спрашивала, куда делся соперник Горыныча. Но почему Егор не ушел со скалы, оставалась загадкой. Может, захотел отлежаться? Крови–то потерял немало.

– Это Горыныч тебя так изувечил? – спросила я, перебинтовывая спину и грудь крест–накрест, чтобы повязка не сползла.

– Нет, не Горыныч. Он хоть и был Гадом, со спины не напал.

Меня удивило, что пленник так уважительно отзывается о похитителе. Есть такая болезнь, когда человек не может уйти от изверга, измывающегося над ним. Живет с ним будто замороженный, а если вмешаешься, чтобы спасти, еще и обругает. Будет защищать обидчика до последнего. Неужели Егор до сих пор находится под колдовской силой Змея? Тогда понятно, почему мужья сестер, Мирон и Петруша, такие смирные. Тоже, наверное, под заклятием.

– Расскажи о Змее. Каким он был? – я помыла руки и при-

нялась складывать склянки в лукошко.

– Всяким. То сердился и огнем поливал, а то давился дымом и смеялся, – Егор печально покачал головой. На его лицо легла тень.

И опять я заметила, что Егор грустит о Змее. Точно он был не тюремщиком, а ближайшим другом. Надо бы в бабкиных записях порыться и поискать, как путы на человеке, пережившем пленение, срезать. Есть веревки и цепи – их снять легко, только отомкни замок или развяжи узел. А есть невидимые путы, что держат крепко. Сидят такие в голове. С ними без колдовства не справиться.

– Змей сразу тремя головами смеялся?

– Нет. У каждой головы был свой характер. Правая – ее звали Змай, отличалась суровостью и вспыльчивостью. Только тронь, вмиг испепелит. Но за остальными следила с заботой отца. Левая, Цмок, была хитра и мстительна. Всякие каверзные планы строила и толкала на необдуманные поступки. Еще врала много.

– А та, что в середине?

– Драг. Эта голова считалась разумной. Уравновешивала первые две. В споре старалась выбрать правильную сторону. Лишь однажды Змай и Цмок ее не послушались, вот и заплатились все трое.

– Он Горынычем назывался, так как жил на горе?

– Наверное, – Егор повел плечами и поморщился. Раны болели. – Но я думаю, Горыныч произошло от «гореть». Со

словом «горнило» знакома?

— Конечно. Это печь, — я кивнула на ту, что держала тепло в баньке. Я сильно ее топить не стала, помня, что придется возиться с кровью, а она жар не любит.

Я помогла Егору надеть рубашку — самую длинную из бабушкиных запасов.

«Вот и пригодились вплетенные в вышивку обереги», — подумала, подныривая под руку измученного болью гостя.

За столом сидели недолго: я видела, как после отвара Егора клонило ко сну. Помогла сдвинуть скамьи, притащила тюфяк и застелила постель. Гость лег аккуратно. Раны после штопки ныли.

Я прикрутила фитилек в лампе на столе и, собрав одежду Егора, побежала к реке. Выполоскала все, кроме дорогого кафтана. Его побоялась трогать, решила пройтись щеткой и грязные места замыть. Сапоги тоже оттерла и, надев на штакетник, оставила сушиться.

Пока стирала и вываривала использованные бинты на костре, рубашка, штаны и исподнее, висящие близко к огню, почти высохли. Утром останется только с веревки снять.

Закончив дела, разделась и полезла в реку. Фонарь оставила у воды только для того, чтобы найти босой ногой берег. Оглянулась на окна, вспомнив, что не одна, а иду купаться нагишом. Но я зря беспокоилась. Голубчик спал богатырским сном.

Утром, пойдя проведать гостя, со стоном поняла, что бе-

да нас не миновала. Егор метался по подушке, сжигаемый жаром лихоманки. Его трясло. Темные волосы прилипли ко лбу, губы высохли и покрылись коркой. Пришлось скинуть одеяло и обтереть его полотенцем, смоченным в ледяной речной воде. Голых мужчин я видела и не раз, поэтому мучительного стыда не испытывала.

С трудом перевернула Егора на бок, чтобы посмотреть, что происходит с самой опасной раной. Срезала бинты и убедилась, что не в ней беда. Хотя и выглядел шрам неприглядно, краснота дальше не пошла. Вновь намазала вонючей мазью, но перевязывать не стала. И так Егору дышалось тяжело.

Я отпаивала его отварами, шептала заговоры, которым научилась у бабушки, рисовала на груди руны, отпугивающие смерть, но жар не спадал. Егора лицо то краснело, то бледнело. Он забывался, и в такие моменты я думала, что конец близок, но Егор вдруг начинал истошно кричать. Нет, не от боли. Он бредил. Ему казалось, что он ведет кровавый бой.

– Обходи его! Будь осторожен, брат! У него в руках не палка. Это Мертвый волос! Бей, бей!

Агония продолжалась день, два, три, а я не могла отойти от него ни на шаг. Меняла белье, если он обильно потел, протирала ледяной водой, чтобы сбить жар, ловила и укладывала назад, когда Егор соскакивал и бежал, пытаюсь спасти неведомых братьев. Я уже сама падала от усталости.

Но была от непонятной лихоманки и польза – она выжигала страшные раны, начисто убирая последствия ранения.

Я такое видела впервые. Даже нитки не пришлось срезать. Тело исцелялось само, выталкивая все, что было для него чужеродно.

Следы от когтей становились все тоньше и бледнее. И если у людей на заживление похожих ран уходило не меньше месяца, а шрамы утрачивали красноту и жесткость только через год, то Егору потребовалась всего неделя.

Сама лихоманка пошла на убыль только после того, как Егор, все еще находясь в бреду, оплакал погибших. Это было так страшно и горестно, что я присоединилась к его вою. В итоге мы оба выдохлись и замолчали. Окончательно обессилив, я пристроилась рядом с ним. Я просто не дошла бы до своей постели. Не заметила, как уснула на его плече, обняв рукой поперек груди.

Разбудил меня солнечный луч. Я открыла глаза и вздрогнула, когда встретила взглядом с Егором. Он лежал на боку и рассматривал мое лицо.

– Ты знаешь, что во сне храпишь? – спросил он с улыбкой.

Я вытерла рукой щеку, почувствовав в уголке губ влагу. То ли плакала во сне, то ли... пускала слюни.

– Знаю. Особенно сильно, когда устану, – я опустила глаза.

– Не сильно, – успокоил он меня и убрал с моего лица витой локон.

Мне было неловко. Я лежала рядом с голым мужчиной в одной нижней рубашке. К тому же не совсем свежей и пах-

нущей отварами и мазями.

Я села и быстро заплела непослушные волосы в косу.

– Долго я болел? – Егор, чтобы не смущать меня, перевел взгляд на окно и сощурил от солнца глаза. Длинные ресницы – зависть любой женщины, дрожали.

– Вчера неделя случилась, – я прошлепала босиком к ведру, набрала в чайник воды и поставила на огонь.

– Много, – Егор досадливо цокнул языком.

Он сел, стыдливо прикрывшись простыней. Я оглянулась на него и поразились, как сильно он похудел. Пусть не кожа и кости, но откармливать придется.

Отодвинув половик, я откинула крышку погреба и полезла за снедью. Всю неделю я варила кур. Теперь живых наседок осталось у меня семь. Егора отпаивала бульоном, сама ела мясо. На разносолы времени не хватало. Только и успевала задать курам корм, собрать яйца да корову подоить. Хорошо, что Сивка и Буренка весной не требовали особого ухода и находились на вольном выпасе.

«Караваев бы напечь. С хлебом все сытнее будет», – думала я, набирая в миску моркови и репы для супа. Срезала с висящего на крюке соленого окорока приличный шмат. Самой уже было тошно от куриного мяса. А мужика кормить надо.

Только поставила ногу на лестницу, как от двери кто-то позвал.

– Хозяйка! Дома ли?

Я сноровисто выбралась из погреба. На пороге мялся Петр. Я давно заметила, что никто из сельских в горенку заходить не смел. Жались к двери и пугливо оглядывались, хотя у нас ничем изба от деревенских не отличалась. Спрашивала у бабушки, но она только отмахивалась. «Пусть так, чем будут сапожищами наш половик топтать».

– Началось? – спросила я, сразу поняв, что ребеночек Агафьи на свет просится.

Наверняка Матрена и Андрон возле роженицы кружатся, а ко мне самого бесполезного члена семьи отправили.

Глава 6. Великая несправедливость

Я с беспокойством обернулась на печь, но Егора на скамье не оказалось. Перевела взгляд на окно и увидела, что он стоит по пояс в реке. На спине еще видны шрамы, но кажутся тонкими ниточками. Я выдохнула, отпустив беспокойство.

Петруша терзал в руках шапку.

– Сейчас–сейчас, милый! – крикнула я тугоухому, сложив на стол принесенное из погреба. Рядом поставила миску с сырыми яйцами. Уж их–то мой постоялец на завтрак пожарить сумеет?

Сняла полотенчико с вареной курицы, чтобы Егор нашел, что поесть. Наслышана уже от деревенских баб: еду, накрытую полотенчиком, мужик просто не видит. Для него кажется фокусом, когда жена над совершенно пустым столом встряхивает тряпочкой, и на нем появляется еда. Сродни чуду. А вот бутыль с самогоном, хоть в землю закопай, отыщут.

Когда я вышла из своей комнаты, переодевшись и взяв походную сумку, заметила в окно, что Егор выбирается из реки. А рядом даже простыни нет. Как спал голый, так и пошел купаться. Правильно, зачем меня стесняться? Я же знахарка.

Чтобы не пугать Петра видом своего гостя, я подтолкнула его к выходу и бегом побежала к телеге, на которой он приехал. Пришлось и мужу Матрены поторопиться.

Когда он сел на облучок и взял в руки вожжи, я оберну-

лась и помахала Егору, застывшему на крыльце и глядящему на меня, прикрыв глаза ладонью. Хорошо, что догадался сдернуть с веревки чистую рубашку и облачиться в нее.

– Я в Мыски! Агафья рожает, – крикнула я, чтобы Егор знал, куда хозяйка дома укатила. – Еда на столе.

– Ась?! – спросил Петруша.

– Трогай! – приказала я ему, устраиваясь рядом.

Еще раз обернулась на крыльцо, пока телега не свернула на дорогу, уводящую из леса. Егор все еще стоял и смотрел на меня. А у меня сжалось сердце. Неужели воспользуется моим отсутствием и уйдет? Что его здесь держит? Брошенное на него хозяйство?

– Чего нос повесила? – спросил Петр, вспугнув громким голосом птиц. Те заполошно вспорхнули с деревьев. Тугие на ухо всегда говорят громко. Пришлось и мне кричать.

– Устала. Больного выхаживала. А как там Агафья?

– Орет почему зря на всех. Андрон сам хотел за тобой поехать, лишь бы убежать от ее ругани, но она вцепилась в него мертвой хваткой. Смогла бы, на шею ему забралась бы.

– Ей больно, – коротко объяснила я.

Засунула палец в ухо и потрясла им. От крика Петра в голове стоял звон. Больше разговаривать не решилась, иначе доехала бы до Мысков оглохшей на одно ухо.

Роды были тяжелыми, ребенок ножками вперед шел, но мальчонка родился здоровым. Управились только к утру. Оставив Матрену переодевать сестру в чистое, я взяла ре-

беночка и вышла с ним на крыльцо. Важно было показать его солнышку, чтобы то засвидетельствовало явление новой жизни. Андрон и Петр сидели на ступенях. Услышав шаги, развернулись ко мне.

– Гляди, батя, какой у тебя богатырь родился, – сказала я Андрону и откинула край пеленки. Тот боязливо наклонился. Увидев такие же, как у него, голубые глазки, заулыбался. – Хочешь подержать?

– Нет–нет. Маленький больно. Боюсь навредить, – он сделал шаг в сторону.

Протяжно заскрипели несмазанные петли ворот. Мы все трое обернулись на них. Я так и застыла, открыв рот. Во двор въехал на Сивке Егор. словно не вчерашний, готовый отдать богам душу доходяга, а принц заморской страны. Черные волосы заплетены в косу, сам в расшитом золотом кафтане. В начищенных до блеска сапогах отражается солнце. Конь только подвел. Хоть Сивка и относился к крепким скакунам, для столь величественного всадника смотрелся простовато.

– Откуда ты здесь? – спросила я, отмерев. Андрон и Петр удивленно оглянулись на меня.

– Переживал, – откликнулся Егор и, легко спрыгнув с коня, поднялся на крыльцо. Обнял меня за плечи и поцеловал в висок. Глянув на малыша, улыбнулся.

– Богатырем будет, – заметил одобрительно.

– Ты подожди меня здесь, – попросила я Егора, а сама

поспешила в дом. Только сейчас почувствовала, как сильно устала. Пора убираться восвояси. Как там моя Буренка и курочки?

Когда вышла на крыльцо, заметила, что все трое переглянулись. Егор улыбнулся, Андрон и Петр же, посерев лицом и пряча глаза, поспешили в дом.

– Вы знакомы? – спросила я, чувствуя, что здесь был серьезный разговор.

– Нет. Но выяснили, что эти двое тоже у Горыныча время коротали.

Егор, легко подняв меня, посадил на коня. Взял за уздцы и повел Сивку со двора.

– Садись сзади. У коня спина широкая, двоим места хватит, – позвала я. Знала, что после долгой болезни сил не так много, как кажется. Но Егор помотал головой.

Конь не спеша вышагивал по главной деревенской улице, а я с удивлением замечала, как недобро сельчане поглядывают на нас. Некоторые даже отворачивались, делая вид, что заняты.

– Чего это с ними? – не выдержав, спросила я. – Вроде ни с кем не ссорилась...

– Из-за меня сердятся, – не оборачиваясь, ответил Егор.

– Ты со всеми ними знаком? – я уже не знала, что подумать.

– Нет. Но они уже меня ненавидят.

– С чего бы такая немилость?

– Считают, что я твой жених. Им было бы лучше, если бы ты жила одна, без мужа и детей. Пока ты не замужем, бежишь к ним по первому зову. Днем и ночью. А станешь мужнею женой, уже не будешь так свободна.

– Но себе–то они не отказывают в семье, – я растерялась. Откуда такая людская жестокость?

– Никогда не задумывалась, почему твоя бабушка замуж не вышла? Мне уже рассказали, что ты ей неродная.

Я не стала спрашивать, кто наболтал. И так понятно: Андрон и Петр. Или Ульяна– пасечница. Знатная сплетница.

– Бабушка не любила о своем прошлом рассказывать, – я насупилась и отвела глаза в сторону.

– Так я тебе открою. Ей не дали выйти замуж. И от тебя всячески женихов отгоняли.

– А тебе откуда известно? – кисло спросила я. Настроение вконец испортилось.

– Пока искал нужный дом, поспрашивал о тебе. Ты же, кроме названия деревни, никаких других направлений не дала.

– Наговорили деревенские, значит, – я досадливо сплюнула.

Люди в наших деревнях всякие живут. Кто–то помнит добро, которое мы с бабушкой творили, а кто–то обиделся, что не смогли помочь. Не отказали, а просто не в наших силах было справиться с хворью. Мы же не боги. Но разве людям объяснишь?

– Наговорили, – подтвердил Егор.

– Было бы за кого замуж выходить. Мне двадцать шесть, а еще ни один в мою сторону с серьезными намерениями не посмотрел. Точно я собой дурна и хозяйка никудышная, – в моем голосе, вопреки желанию, слышалась обида.

– Смотрели на тебя женихи. И не раз. Только местные их от тебя отвадили. И меня пытались отговорить.

– Как это? – встрепелась я.

– Сказали, беги, пока цел. Никто из тех, кто в лес за тобой пошел, назад не вернулся.

– Враки все это! – воскликнула я, убитая такой несправедливостью. – Я, кроме богатырей, что спрашивали дорогу к Черной горе, никого и не видела.

– Про Змея и слова не было сказано. А вот то, что ты ведьма, упомянули.

– Вот же... За что они так? – у меня запершило в горле.

– Люди по натуре самолюбивы. Уедешь ты за мужем, с кем они останутся? Ближайший лекарь в городе живет, сам он в такую глушь не поедет, сколько ни зови. Любому больному придется на дорогу туда–обратно день терять. Если, конечно, живой доберется.

Я смахнула слезу. Как же так? Мы с бабушкой душу вкладывали, с каждым, как с родным, возились, а они... Если бы Матрена не шепнула, где жениха взять, так и не узнала бы, что мне людьми определено остаться бобылихой. Никакого тебе счастья, Веселина. Ни женского, ни материнского, а все

из-за того, что полезной быть старалась.

Сивка остановился.

– Ну чего ты? – Егор подошел ко мне и потрепал по колену.

– Больно мне. И обидно. Я же понимаю, что нет у меня счастья и не будет. Я не пара тебе. Побудешь рядом, пока душно не станет, и полетишь соколом в родные края. А я... А мне...

Я закрыла лицо ладонями и горько разрыдалась. И так силы были на исходе, а тут такое предательство от людей.

Егор протянул руки и снял меня с коня. Слабый-слабый, а какая силища! Прижал мою голову к груди и позволил выплакаться. Гладил по волосам, вздыхал и целовал в макушку. Будто я дитя. И ведь слова не сказал, чтобы успокоить. А я ждала что-то вроде: «Не плачь, Веселина. Я твой навеки и никуда от тебя не денусь».

А он мне нравился. Крепко нравился. Чего уж от самой себя скрывать?

Наплакавшись, я вытерла глаза краешком косынки, что болталась у меня на шее. Схватила за луку седла, чтобы забраться на коня, но Егор снова помог и сам устроился сзади. Обнял под грудь одной рукой, в другую взял поводья и стукнул каблуками по бокам Сивку. Тот потрусил знакомой дорогой домой.

Я не заметила, как уснула. Глаза открыла, когда уже приехали.

– Храпела? – спросила я, стыдливо отводя взор.

– Устала сильно, – улыбнулся мне Егор и, взяв Сивку за уздечку, повел в конюшню, чтобы расседлать.

Скинув сумку и быстро переодевшись в домашнее, я вышла во двор. Корова хоть и не подавала голоса, наверняка маялась. Надо бы ее подоить. И курам корма задать. Когда дошла до задних дворов, увидела, что куры кормлены, а Буренка доена.

Я так и ахнула. Неужели Егор похозяйничал?

Кто-то хрюкнул в загончике, и я поспешила посмотреть, что за зверь к нам забрался.

– Откуда ты здесь? – спросила я у свиньи, хлюпающей носом в большой чаше с ботвиньей. – Да ты, милая, еще и на сносях?

Я побежала в конюшню. В нее прямиком можно было попасть через хлев. Там, раздевшись по пояс, чистил копыта Сивки Егор.

– Откуда у нас свинья?

– Я на охоту сходил, – он, не подняв головы, ловко орудовал крюком. – Она дикая. Пригнал, думая, что пригодится. Нас же теперь двое.

Я прислонилась спиной к воротам. «Нас же теперь двое». Улыбалась, словно дура.

Егор, повесив на место крюк, взял щетку и прошелся ею по спине Сивки. Конь довольно тряхнул гривой. Поняв, что я слишком долго молчу, постоялец повернулся в мою сторону.

– Что не так?

– Скажи, что со всеми вами делал Змей? Почему после плена у него мужики сплошь работающие и домовитые?

– Может, просто влюбились? – с улыбкой предположил Егор.

– Я однажды докопаюсь до сути, – пообещала я. – Не иначе, как колдовство какое–то.

– Ну–ну, – сказал Егор и вернулся к чистке коня.

– Знаешь, а я даже жалею, что Горыныча больше нет, – я подошла ближе и села, перевернув пустое ведро. Устала. – Не нам, жителям Прихребетья, на него жаловаться. Если и разбойничал, то только за Мамоновым кряжем. Богатырей изводил, скажешь? Так они сами к нему лезли. Нас Змей никогда не обижал. Вдов женихами обеспечивал. Пусть Андрон и Петр малость потрепанные, но в хозяйстве вполне годные.

– Впервые слышу, чтобы кто–то хорошо о Змее отзывался, – откликнулся Егор, будто совсем недавно сам не защищал его.

Глава 7. Правда

Пора было делом заняться, а я никак не могла заставить себя уйти. Хотелось подольше побыть рядом с... Сивкой.

– Знаешь, как жутко было, когда Змей над лесом летал? Деревья от взмаха крыльев до земли гнулись, столько в нем мощи было. Но мне он нравился. Красивый. Такой же зеленый, как и наш лес.

– Когда он злился, становился красным, – подал голос Егор.

– Так и я, когда злюсь, краснею, – с улыбкой ответила я.

Егор рассмеялся и с большим усердием принялся чистить коня. Я, вздохнув, поднялась с ведра, и пошла в дом. Надо бы тесто поставить, чтобы к вечеру напечь хлеба.

В доме меня ждало еще одно удивление. На столе лежало два ощипанных и опаленных фазана. А в ушате билась, расплескивая воду, живая рыба.

Я села на скамью.

– Неужто повезло? – спросила саму себя. Мои губы растянула улыбка.

Наш совместный быт потихоньку налаживался. Я на себе почувствовала, что значит иметь в доме мужские руки. Двери больше не скрипели, полки висели ровно, стершиеся на крыльце ступени были обновлены свежими досками.

И со скотиной Егор обходился умело. Теперь она не раз-

бредалась, норовя попасть хищникам на зубок, а содержалась в огороженном со всех сторон выпасе. Старые деревья Егор вырубил и пустил на дрова, увеличив наши владения за счет леса. Я даже успела забыть, как держать в руках топор.

— Не думала я, когда платила Змею выкуп, что ты такой умелый. Выглядел как князь: одежды дорогие и волосы длинные, — я в который раз пыталась выудить из него хоть какие-то сведения о себе. Понятно же, что из знати. И однозначно чужестранных кровей. Наши мужики стриглись коротко, кос не плели и поголовно были белобрысыми, веснушчатыми и со светлыми глазами. — Откуда у тебя столько умения?

Егор отмалчивался. Иногда бросал короткое:

— Со мной всякое в жизни случалось. Приходилось работать и руками.

Я вздыхала. Время откровений еще не пришло. О том, что он в бреду кричал, я тоже помалкивала. Понимала, какую боль испытал, хороня друзей. А то, что руками и прежде работал, было заметно по мозолям. Но похожие появляются не только от топора и лопаты, но и от частого применения оружия.

Летели дни, которые я для себя определила, как счастливые. Не заметила, как настало жаркое лето. Все в нашей жизни шло своим чередом. Егор занимался хозяйством, пропадал на охоте, я пекла-стряпала, собирала целебные травы, ну и ездила к хворым.

Если я задерживалась, то у порога дома, куда меня вызвали, неизменно появлялся Егор, и мы вместе возвращались к себе. Эти мгновения были моими самыми любимыми: я, уставшая, могла без стеснения прижаться к Егору, а он поддерживал меня под грудь, чтобы я, задремав, не свалилась с коня.

Еще со времен бабушки повелось, что к нам в лес люди со своими болячками не совались. Мы сами в деревни наведывались. Да и местные не особо любили в наш лес заходить. Их оторопь брала. И чем ближе к нашей избушке, тем сильнее.

Бабушка их страх объясняла заговоренным петушком на крыше. В каждом человеке, каким бы он ни был хорошим, темные чувства имелись. Та же зависть, к примеру. Вот и свербело у них, пока лес не покидали. К нам даже охотники редко забредали.

– Скажи, Егор, тебя в нашем лесу ничего не пугает? – спросила я как-то. Мало ли, вдруг человек мается, а я держу его на привязи?

– Я сам кого хочешь напугаю.

Его ответ меня рассмешил, а Егор посмотрел на меня так серьезно, что я осеклась.

Хоть и нравились мы друг другу и в быту постоянно проявляли заботу, но наши отношения были сродни тем, как ведут себя брат с сестрой. Или даже отец с дочерью, что, конечно же, приводило меня в уныние. Душа просила любви.

Мое сердце, когда я смотрела на Егора, замирало. Или, наоборот, пускалось вскачь. И такие снились сны...

Сам он попыток к сближению не делал, а моя смелость тем утром, когда я проснулась с ним на одной лежанке, кончилась. Я понимала, почему он не хотел большего: мы были слишком разными. Если он ваза из фарфора, то я глиняный горшок.

Я полагала, что Егор старше меня, пусть и выглядел на тридцать с небольшим. Не удивилась бы, если бы у него за Мамоновым хребтом осталась семья. Жена, дети. Может, в этом дело? Верен им, но по какой-то причине не возвращается? Но что тогда держит его в нашем краю?

– Егор, а сколько тебе лет?

– Хочешь со мной на «вы» говорить? Нет? Тогда и начинать не стоит, – он ответил, не поднимая на меня глаза. Был занят делом – натягивал тетиву на новый лук.

Мышцы бугрились под рубахой с моей корявой вышивкой. И даже такая простая одежда его не портила. Красивый человек и в рубище будет прекрасен, и... без одежды вовсе.

«Что за глупости лезут в голову?»

Я опустила глаза, чувствуя, как краска заливает лицо.

– А вдруг ты глубокий старик? – сама не верила, но все же спросила.

– Я еще тебя переживу.

В нашем мире не редкостью было встретить человека, которому за двести лет, хотя по лицу не скажешь, что перед

тобой глубокий старец. Молодильные яблочки, если деньги водятся, всякому доступны. Правда, что творилось на душе у вкусившего сей волшебный плод и чем он расплачивался за долгие годы жизни, никому не известно.

Не зря же долгожители, раз попробовав яблочко, во второй притронуться к нему не смели. Иначе жили бы по пять сотен лет. Колдовство оно такое – где-то прибавится, а где-то обязательно убудет.

Вот и в Егоре я чувствовала тайну прошлого, которую он тщательно скрывал. Но как бы ни старался, бывшее прорывалось наружу весьма странным образом: иногда с ним случались приступы головной боли. Они были до того сильными, что Егор уходил в лес, лишь бы я не слышала, как он страдает.

Я пробовала его расспросить, но он порывисто обнимал меня, шептал, что к утру вернется, и исчезал в чаще. Ничего не помогало. Ни отвары, ни припарки. Я знала каждый шрам на его теле, но не могла заглянуть в голову. А он отказывался рассказывать, как давно с ним случаются приступы и с чего они начались. Причину хвори всегда нужно искать в ее истоках.

Однажды я не выдержала. Как только заметила, что он морщится и торопливо одевается, закрыла дверь и прижалась к ней спиной.

– Не выпущу, пока не признаешься, что с тобой произошло. Что тебя мучает? Я же помочь хочу...

Его лицо исказила судорога. Пальцы сжались в кулаки. Все тело напряглось так, что казалось, он сейчас разнесет дом по бревнышку. Когда Егор подошел ко мне и навис, тяжело дыша, я вжала голову в плечи. Его прищуренный взгляд заставил встать дыбом все волоски на моем теле.

– Правду знать хочешь? Не в твоих силах помочь мне, знахарка, – зло процедил он через зубы. – Потому что я не человек.

У меня подогнулись колени. Но я не сползла на пол, а лишь крепче вжалась в дверь.

– А ты... А ты... – мне хотелось ответить ему так же через зубы и так же грозно сузить глаза, но мой голос сорвался на петушиный крик: – Не буди во мне ведьму!

Он взял меня за плечи, чтобы оторвать от двери, но я уже не могла отступить. Я срослась с ней в единое целое. Поэтому от отчаяния пнула его под коленную чашечку. Знала, где будет больнее.

Егор зашипел и отпустил меня. По красивому лицу пошли пятна.

– Говори, кто ты такой, демон тебя побери! – в этот раз у меня получилось грознее. – Спасла от лихоманки, спасу и сейчас!

– А ты разбираешь–ш–шься в чудовищ–щ–щах? – слонив голову к плечу, прошипел он. Меня передернуло от его красных глаз и режущего ухо звука.

«Щах–щах–щах!» – прокричало в голове эхо.

Я моргнула тридцать три раза, прежде чем ответить.

– Я вылечила деда Хому. А он тот еще черт. Это считается?! – произнесла я и вскинула подбородок. – Разве я не права? Более противного и ехидного старика я в жизни не встречала.

Егор опустился на пол, схватился за голову и... рассмеялся.

– Уф, аж отпустило, – сказал он, отсмеявшись. Растянулся на половице в полный рост и раскинул руки. Его губы растянула улыбка.

– Может, тебе просто проораться надо было? – осторожно спросила я, наклонившись над ним. – Такой себе способ избавиться от головной боли, но действует же! В лесу, небось, тоже кричишь, поэтому боль отступает?

Я подала ему руку. Нечего на полу валяться, когда в доме скамейки есть.

– Может быть. Прости, не хотел тебя напугать, – он схватился за мою ладонь и поднялся.

– А теперь давай поговорим спокойно. Я уже поняла, что ты чудовище. Только что видела во всей красе, – я шла к скамье на полусогнутых. Страх отпустил, а вот слабость в ногах осталась. – Рассказывай, кто ты такой?

Он сел на скамью напротив меня и сложил на столе руки, сцепленные в замок. Я уже немало понимала в жестах, а потому легко прочла: «Не жди от меня, Веся, полной откровенности».

Его прямой взгляд смутил и заставил задержать дыхание. Я непроизвольно пригладила растрепавшиеся волосы и поправила сбившуюся набок во время противостояния рубашку. Егор ухмыльнулся.

– Что, страшно тебе?

– Раз до сих пор не убил, с чего бы сейчас бояться? – огрызнулась я, однако отметила, что мой голос после ора охрип.

– Я сразу понял, что ты сильная и бесстрашная. Рядом с другой я бы и на день не задержался.

Я насторожилась. Радоваться лестным отзывам или огорчаться? В их ряду нет таких приятных женскому уху слов, как красивая, желанная или просто милая. И про ум упомянуть забыл.

Я промолчала, а Егор продолжил:

– Никто из женщин не рискнул бы забраться в логово Горыныча, а ты отважилась.

Я прикусила язык, чтобы не признаться, что полезла по глупости, не так поняв Матрену.

– Ни один из пленных так отчаянно не искал выход, как ты со своими скудными возможностями, – продолжил он, непонятно к чему ведя.

Я потупила глаза. Ага, скудные. Я едва не стала ведьмой.

– Никто, кроме тебя, не додумался бы отдать выкуп мертвому Змею, лишь бы оставить совесть чистой.

– Бабушка не велела задарма что-либо брать, – тут я не

удержалась, пояснила. Пусть видит, что я – девушка приличного воспитания.

Мое лицо горело, словно маков цвет.

– За все это и ценю тебя, – Егор, расцепив пальцы, полез в карман и вытащил оттуда мой золотой со скрещенными мечами. – Узнаешь?

– Почему он у тебя?! – я задохнулась от допущенного кощунства. Взять что-либо у мертвого – великая дерзость.

– Ну, во-первых, чтобы ты не вздумала вызывать демона. Я видел, как ты вычерчивала на песке пентаграмму. Демон не помог бы, а вот душу испачкала бы. А во-вторых, монета нашла своего хозяина. Я принял выкуп за никчемного человека, которого ты решила выручить.

Я хлопнула ресницами.

– Никогда не думала о тебе, как о никчемном. Да, невос-
требованным называла, но только мысленно...

Егор вздохнул, поражаясь моей недогадливости.

– Я сам за себя принял выкуп.

– Ась?

Глава 8. Все о Змее Горыныче

Нет, я на стала туга на ухо, как Петруша. Я просто не понимала.

– Я и есть тот самый Змей Горыныч, – он подался вперед, и я увидела, как его глаза изменились, сделавшись змеиными. – Вернее то, что от него осталось.

Я отпрянула и захлопнула рот рукой, боясь, что из него вылетит глупость.

Когда он распрямился и его глаза вновь сделались человеческими, глупость все-таки вырвалась:

– У Змея было три головы, а у тебя одна, – выдала я.

– В том-то и дело, – Егор выразительно вздохнул.

– Кто тогда похоронен на скале? – прошептала я, не в силах справиться с голосом.

– Мои братья. Змай и Цмок. Мое настоящее имя Драг. Или Драгон. Подосланный убийца застал нас врасплох.

– Я все равно не понимаю...

– Наша пещера – дорога, ведущая в мир мертвых. А мы, три брата – стража Калинова моста.

Я оторопело уставилась на Егора. Калинов мост? Но это же мост, перекинутый из Яви в Навь! Мне бабушка сказки о нем рассказывала. Граница, не позволяющая мертвым пробраться в мир живых.

Я прижала руку к груди, пытаясь унять сердце.

– И теперь у Калинова моста нет охраны? – мой голос дрожал.

Бабушкин дом, стоящий чуть ли не под сенью Черной горы, первым подвергнется нападению, если из Нави поперет нечисть. А отсюда до Мысков и Хором рукой подать. А дальше что? Столица?

Егор протянул мне золотую монету на открытой ладони. Я взяла и зашипела, настолько та была горячая. Я бросила ее на стол.

– Не знаю, откуда у тебя золотой, но это древний ключ, запирающий Калинов мост, – Егор прямо смотрел мне в глаза, чтобы я поняла, насколько ценную монету принесла на утес. – Пусть на границе больше нет стражника о трех головах, но есть Печать Трех мечей. Хоть какая-то передышка.

– Как долго мост будет на замке? – я догадалась, что значит «передышка». Печать – это на время. Если можно было бы обойтись монетой, не поставили бы у Калинова моста живую стражу.

– Пока золото совсем не истончится.

Я глянула на тонкое ребро монеты и вздохнула.

– За все надо платить, – пояснил Егор, забирая ключ назад.

– Ты потому так долго пропадаешь на охоте? Проверяешь, надежно ли закрыт Калинов мост? – догадалась я – Но как ты забираешься на утес?

Я сокрушенно покачала головой. Никаких сил не хватит

даже у такого, как Егор, всякий раз карабкаться по склону или лезть по веревке.

– Я убрал веревку. На утес есть другой путь. За водопадом в толще горы находится винтовая лестница.

В глазах Егора плескалась вина, когда он заметил, как у меня взлетели брови.

– С горы вела удобная лестница, а ты спустил меня в корзине? Ты же едва не умер, потревожив раны!

– Тогда я тебе не доверял.

– Почему же пошел со мной?

– Я должен был узнать, кто подослал убийцу, – Егор наклонился вперед. – Понимаешь? До твоего прихода я не мог покинуть пещеру, поэтому выглядел таким измотанным. Один страж не три, но мне удавалось исполнять свои обязанности. Благодаря твоей монете, Калинов мост защищен, и я могу заняться поиском врага.

– Так ты поэтому принял мое приглашение... И как ты надеешься найти убийцу? – я тоже наклонилась вперед, и теперь между нашими носами было не больше ладони.

– Через местных. Кто-то сплетню перескажет, а кто-то точно знает, что в Прихребетье происходит. Пока ты лечишь больных, я жду тебя и разговариваю с разными людьми. А они много чего болтают.

– А вдруг твой враг догадается, что ты и есть Горыныч? Скажи, Андрон и Петр видели тебя человеком до того, как их выкупили сестры?

– Нет. Кроме тебя никто. Подосланный убийца тоже не знал. Когда понял, было поздно: я скинул его в пропасть.

– И он унес твою тайну с собой, – я понимающе покивала.

– Сейчас враг в растерянности. Убийца не вернулся, Капинов мост заперт. Жив Змей или нет, неизвестно. Чтобы проверить, он пришлет еще одного убийцу. Надо успеть сделать ответный ход.

Егор говорил убедительно, а у меня першило в горле, и глаза набухли слезами. Я–то думала, что он со мной не потому, что ему выгодно...

– Что же мне делать с тобой, Змей?

– Если не прогонишь, все останется как прежде.

В моей груди разлилась горечь. Правда открылась неожиданно и с неприглядной стороны. Вот почему наши отношения застыли. Вот почему не было попыток сближения. Он со мной вовсе не из–за того, что я хорошая и пригожая. У него совсем другой интерес.

– Я понимаю, – я вздохнула и опустила глаза. – Мой дом недалеко от Черной горы, куда надо часто наведываться. Пока я в деревне, ты выводываешь правду у местных. Ведь незнакомцу они многого не расскажут, а жениху знахарки еще и приукрасят, чтобы сбежал быстрее...

– Не смей думать, что я пользуюсь тобой, – он порывисто закрыл мне рот ладонью.

По моей щеке поползла слеза. Егор поднялся и, притянув меня к себе, крепко поцеловал. Его поцелуй был сладок, но

я не растаяла.

– Оставайся, – я отвернулась. Мой голос звучал глухо. – Пусть все будет по-прежнему. Но когда ты найдешь убийцу, ты уйдешь.

– Не поверила, – выдохнул Егор.

– Нет, не поверила. Ты себя в зеркале видел? А меня?

– Почему же ты к себе так несправедлива? Я ни разу не покривил душой...

– Змею ровни только такие, как Василисы Премудрые да Прекрасные, а я просто Веся...

– Веселина...

– Кстати, в бабушкиной сказке Змей собирался жениться на Василисе. Не помню уже какой, Премудрой или Прекрасной. Это правда? – ожидая ответа, я перестала дышать.

Егор кивнул.

– Вот видишь, – сказала я и, махнув рукой, ушла в свою комнату. Щелкнула замком, душа себя слезами.

Я слышала, как Егор подошел к двери и застыл за ней, но постучаться так и не решился.

Чтобы совсем не раскиснуть и хоть чем-то заняться, я запалила свечу и открыла бабушкины тетради. Это по ее примеру я все тщательно записывала, веря, что однажды и у меня появится ученица. Так же, как я, она будет вчитываться в замусоленные страницы, чтобы разгадать непонятную хворь. Правда, я не знала, откуда эти ученицы берутся. Я даже про саму себя ничего не помню.

Я листала, скользя глазами по названиям болезней, но все было не то. До тех пор, пока не наткнулась на «призрачные боли».

– Не может быть! – воскликнула я, увидев описание хвори.

Эти записи бабушка вела еще во время войны. Тогда с фронта возвращались покалеченные солдаты. Кто без руки, кто без ноги. Но странное дело, у некоторых калек эти утраченные конечности вдруг начинали болеть. Ноги нет, а она болит! И так сильно, что увечные волком выли.

– Так–так–так, – прошептала я, переворачивая страницу и читая написанное вслух. – Мучительные, часто приступообразные ощущения в отсутствующей конечности. Зуд, ползание мурашек, судороги. Был случай, когда хворый чувствовал руку, как целую, и даже мог шевелить пальцами, которых нет.

Я влетела в горницу. Егор, стоявший у окна и бездумно пялившийся в темноту, повернулся ко мне. В его глазах плескалось отчаяние. Я едва не потеряла мысль, почувствовав себя виноватой.

– Я знаю, что с тобой! – выпалила я. – У тебя призрачные боли. Скажи, когда ты оборачиваешься в Змея, у тебя есть чувство, что остальные две головы на месте?

– Веся, я больше не могу стать Змеем, – он не хотел меня обидеть, поэтому объяснял, как дитю. – Без моих братьев волшебство не работает.

Я села на сундук у окна.

– Хорошо. Но когда твои братья были живы, вы вне тела Змея ощущали себя единым целым?

– Мы с рождения не разлучались. Если, конечно, кто–нибудь из нас не влюблялся.

– Не будем о женщинах, – оборвала я Егора, прекрасно понимая, что братья не были скопцами.

– А так да, даже на расстоянии чувствовали друг друга. Особенно, если кому–то из нас было плохо, – он сел со мной рядом.

– Вот, я как раз об этом. Призрачная боль – это боль конечностей, которых нет, – я немного отодвинулась, чтобы между нами было пространство.

– У меня болят отсеченные головы моих братьев? – Егор скривил лицо. – Не находишь, что это звучит слишком странно?

Я на мгновение растерялась. До сих пор я не знала, как погибли братья Егора.

– В нашем мире полно странностей. Например, три брата вдруг превращались в трехглавого Змея. Мало того, Горыныч предлагал Василисе Прекрасной стать его женой. То есть, вас трое, а она одна...

– Не будем о женщинах, – остановил меня Егор.

– Ладно. Не будем. Но я знаю, как тебя вылечить. Просто поверь, – я похлопала рукой по его предплечью. Он накрыл мою ладонь своей.

– Я тебе верю, Веселина. Осталось только тебе поверить мне.

Я не стала слушать. Во мне горел азарт. Позже вернемся к разговорам.

Я побежала к полке, где стояли склянки и ларцы с высушенными и перемолотыми целебными травами. Принялась перебирать холщовые мешочки, сверяясь с бабушкиными записями. Отвар при призрачных болях был опробован ею и не раз, и я верила, что он поможет.

К утру сложный отвар был готов. Егор так и уснул под мой шепот. Каждая травка пробуждала целебные свойства, если над ней произносились правильные, свойственные только ей слова. В избе пахло лесом, лугом и горной черной смолой. Последняя придавала отвару горечь. Мало какое лекарство приятно на вкус.

Накрыв горшочек полотенцем, я устало поплелась к реке. Ее воды уже не были такими ледяными, как весной, и она быстро привела меня в хорошее настроение. Сонливость ушла. Я легла на спину в заводи у мостка, где обычно выполняю белье, и закрыла глаза.

Как же я любила свой лес! Особенно в такие минуты, когда он только просыпался и все живое радовалось новому дню. В небе пели птицы, в камышах издавали трели лягушки, ветер шумел свежей листвой после теплого ночного дождя.

Когда озябла, я повернулась, чтобы выбраться на берег,

и ойкнула. На мостке сидел Егор. Ноги в воде, в руках простыня, которую я приготовила для себя.

– Почему ты здесь? – я закрыла руками грудь.

– Утро хорошее, – он улыбнулся и поднял лицо к небу. Зажмурился от яркого солнца.

– Отвернись, дай выйти из воды.

Он послушно развернулся. Снова спустил ноги в реку с другой стороны мостка. Лягушки, испугавшись, прыгнули в разные стороны. Я подошла к Егору, оставляя на деревянном настиле мокрые следы, и вытащила из его рук простыню. Быстро укуталась и села рядом.

– Я лекарство сварила. На столе в горшочке стоит. Как начнет голова болеть, выпей полстакана. Через неделю призрачные боли должно пройти.

– Спасибо, – Егор мягко прислонился ко мне плечом. Я вздохнула и положила на него голову.

– Я не сразу тебя полюбил, признаюсь, – тихо произнес он. – Сначала ты меня удивила. Рисковала жизнью, лезла на скалу, чтобы обрести счастье. Решила, что я никчемный и от меня отказалась родня, но не отступилась. Даже оставила мертвому Змею выкуп. Ты поразила меня силой духа, добротой и... странной для этих мест красотой. Я еще на утесе понял, что ты не здешняя. В Тридесятom царстве простым людям не дано владеть магией. А у тебя она была.

– Подумаешь, светляк зажгла, – я пожала плечами.

Глава 9. О любви

Да, для местных я – диковинка. Темные волосы, темные глаза. На молочном теле ни пятнышка, тогда как у деревенских лицо, словно скорлупа у перепелиных яиц. Про себя я всегда думала, что какой-то колдун лишил меня памяти и закинул в глухой лес, чтобы пять деревень после смерти старой знахарки не остались без помощи. И бабушка несколько не удивилась, увидев меня. Значит, был у нее с кем-то договор насчет помощницы.

Егор вздохнул.

– Ты говоришь, что Змею подходят только Василисы Премудрые да Прекрасные, но ведь и ты непростая.

– Да уж, Веселина–кудесница, – хмыкнула я.

– Ты мне пара. Я это здесь чувствую, – Егор прижал ладонь к груди. – Выстави передо мной в ряд самых красивых и умных Василис, и я выберу тебя. Со временем ты поймешь, никуда нам друг от друга не деться. Мы повязаны судьбой и этим странным местом.

Прилетела стрекоза. Села на травинку, сверкнув на солнце прозрачными крылышками. Я поддела ногой воду и плеснула на нее. Нечего подслушивать чужие откровения.

Мне сейчас было так спокойно рядом с Егором. И немного стыдно за вчерашнее. Чего взвилась? Нет, чтобы поговорить с человеком, дать объясниться, я хлопнула дверью.

– Почему же не подавал знаков, что я тебе нравлюсь? Почему был добр, но держался как брат с сестрой? Вот я и подумала, что ты со мной из-за...

– Корысти? Нет. Я боялся, ты возненавидишь меня, когда узнаешь, кто я. Не простишь, что втерся в доверие через обман. А признаться я не мог. О Змее дурная слава идет по обеим сторонам Мамонова кряжа. Ее царские люди нарочно сеяли, чтобы местные боялись и не совались к Черной горе. Нельзя, чтобы они догадывались, что рядом с ними вход в царство мертвых.

– Пожалуйста, прости меня за вчерашнее, – я мягко толкнула Егора плечом.

– И ты прости, – он с улыбкой толкнул меня в ответ. – За все.

Я вдохнула полной грудью вкусный утренний воздух.

– Хорошо, что у нас нет больше тайн. Кроме той, откуда я взялась. Сама боюсь узнать правду. Вдруг я не просто ведьма, а какое-нибудь жуткое чудовище? В бабушкиных сказках кого только нет. Кикиморы, русалки, водяные...

– Будешь моим любимым чудовищем, – Егор подмигнул мне. Потянувшись, он сорвал камышинку и сунул в рот. – Я ведь тоже не из здешних мест. Меня с братьями еще детьми выкрали. Мы с рождения говорили на другом языке, а здесь нас переучили. Били, если мы старый язык вспоминали.

– Кто вас бил? – я сглотнула тугой ком.

– Их уже нет. Сгорели, когда мы с братьями впервые осо-

знали нашу силу.

– Они не догадывались, что вы можете стать Змеем?

– Думаю, нет. Я помню их лица. Удивление, страх, неверие...

Я представила, как трое запуганных мальчишек обнялись, чтобы не дать обидеть себя. И неожиданно для самих себя превратились в трехглавого Змея.

Бабушка говорила, что первое проявление магии всегда опасно. Необученный может навредить не только себе, но и окружающим. С Егором так и случилось. Теперь, утратив способность превращаться в Змея, он чувствовал себя неполноценным. Это ли не увечье? У него отняли крылья и небо.

Через историю Егора и его братьев я надеялась понять, что сотворили со мной. Кто я такая, откуда пришла, живы ли мои родители?

– Что случилось потом? – я пошевелила ногой. По воде пошли круги. Басовито жужжа, низко пролетел жук. Егор проводил его взглядом.

– Нам дали имена Змай, Цмок и Драгон – это Змей на разных языках, и заставили забыть, как нас называли родители. Потом школа для магов, муштра на полигоне и служба на Черной горе во славу нового отечества. Егор – это имя, которое я придумал для тебя. Слишком уж чуждо в местных краях звучит Драгон. Пусть и дальше буду зваться Егором.

Я кивнула. Пусть будет Егор. Он не сказал, но я поня-

ла, кто был наделен безграничной властью над Змеем. Наш царь.

– Ты помнишь своих родителей?

– Смутно. Белые летящие одежды матери, колючую бороду отца. Мы так и не поняли, из какого мы королевства. Мечтали, конечно, однажды вырваться на свободу и улететь, чтобы найти свой дом, но... – Егор не договорил. Зло бросил соломинку в реку, и та, попав в водоворот, быстро исчезла с поверхности воды. – Для Тридесятого царства мы были не просто магами, способными превратиться в Змея. Мы – редкое боевое оружие, которое никто не отпустит.

– А как же налет на чужие земли, грабежи обозов, сожженные поля и украденные рыцари? – я не стала упоминать о похищенных Змеем женщинах. Договорились же не возвращаться к разговору о них. – Достойное ли это занятие для редкого боевого оружия?

– Куда посылали, туда Змей и летел. Безвылазно сидеть на Черной горе скучно. А так хоть какое-то развлечение.

– А как вы узнавали, куда надо лететь?

Неужели все те богатыри, которые спрашивали дорогу к Черной горе, и были посланниками? Гонцами в один конец, чтобы не выдать связь царя-батюшки со Змеем Горынычем?

– Через Вещее зеркало. Небольшое такое, на красивой ручке... Ты куда?

Я поднялась на мосток и метнулась к дому.

– Сейчас! – крикнула я, подхватывая край простыни, что-

бы не упасть.

Дома накинула на голое тело сарафан и открыла бабушкин сундук. Вытащив из него разбитое зеркальце, вернулась к реке.

– Такое? – спросила я, запыхавшись. – Такое у вас Вещее зеркало?

Егор охнул. Взял в руки осторожно, видя, что серебристое стекло располосовано трещинами.

– Такое.

– Откуда оно у бабушки? Разве Вещее зеркало можно купить на ярмарке? – я тяжело дышала. От волнения схватилась за грудь и смяла в кулаке сарафан.

– Нет. Нельзя, – он поднял на меня глаза. – Выходит, ты, я и твоя бабушка не просто так здесь оказались. Все мы крепко связаны. Меня с братьями маленькими выкрали, тебе память стерли. Мне кажется, твоя бабушка знала, кто тебя прислал и зачем.

– Известно зачем. Перенять знахарское умение, – услышав, как Егор хмыкнул, шепотом переспросила: – Думаешь, она сама зеркало расколошматила?

Понятно же, раз Змею через зеркало задания давали, то и бабуля какие-то поручения исполняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.